

Міста України

Виктор Куркевич

История Киева

Киев советский
(1919—1991)

Том 1
(1919—1945)

Харьков
«ФОЛИО»
2021

ИСТОРИЯ МОЕГО ГОРОДА, СТРАНЫ, МИРА ЗА НЕПОЛНОЕ XX СТОЛЕТИЕ

«С чего начинается Родина...» Так звучит первая строка популярной песни. Моя Родина начинается с Киева. Любить весь мир, Вселенную — это уже лишнее, «советский» перебор, но Киев и на его примере Украину «від Сяну до Дону» люблю всем сердцем. Для меня это — жизненное кредо. Потому что любовь представляет собой основу человеческого бытия, а не просто существования.

Я всегда восхищался поляками, самыми нестигаемыми патриотами во всем мире. Им за свою «ойтчизну» в XIX веке приходилось бороться в России, Испании и даже в Америке. Гарибальди же закалять свою любовь к Италии довелось в прериях Аргентины...

Но с чего же начинается Родина, если говорить не о географии только? Прежде всего — с колыбельной. Уже далее — со двора, с улицы, даже окрестностей отдаленного хутора — воспитывается понятие гордости за нее. И на этом этапе особенности ландшафта, природа края в целом, как и каждая мелочь — журчание ручейка, ржание лошади или дребезжание трамвая на повороте — приносят важное, неизгладимое впечатление и оставляют печать Родины в душе до самой смерти.

Как ни странно, зачатки моей непреходящей любви к Украине оказались в рассказах друга-еврея Якова Бердичевского. И те рассказы были не о криках жаворонка или запахе степи — о духовных свершениях народа начиная

с XVIII века, о свидетельствах достижения высокого уровня культуры, которые все перемолола сталинская репрессивная машина, невзирая на многонациональный состав украинской интеллигенции, на флаге которой уже пестрели имена Йогансен, Маркиш, Зеров, Ефремов, Семенко, Бойчук...

Приступая к работе, я отдавал себе отчет в том, что, как и в предыдущих томах «Истории Киева», в этом уложить весь остро (!) необходимый материал будет казаться просто невозможной затеей. Ведь помимо самого упоминания множества моментов истории, которые нельзя обойти стороной, надо учитывать, что каждое из событий освещалось как минимум с двух-трех разных идеологических позиций — их необходимо представить, сохранив при этом доходчивость и живость письма, присущие уже вышедшим томам. А ведь в начале XX века, за сравнительно небольшой промежуток времени, все в корне поменялось и не раз было фактически «поставлено с ног на голову»! Возможно ли наиболее полно и при этом сжато описать, как Город пережил и частую смену власти, и скачки социально-политических формаций: от капитализма к так называемому социализму, чтобы в дальнейшем, через «застой» и «перестройку», таки (как говорят в Одессе) вернуться к капитализму? Этот ворох событий, политических установок, дважды приход немцев, ожидание третьего их прибытия и неоднократные «явления» большевиков требуют особого освещения в книге и отражения в сознании читателей (хотя бы частично), включая тех, кто родился в годы Независимости. И тех даже, кто, как мой отец, родившись при батюшке-царе, дожил до «шоколадного» президента.

Так что пусть меня читатель простит, если кое-где захромает стройность изложения. Если даже, читая книгу, в масштабных картинах всеобъемлющей панорамы кто-то увидит лишь маленькие очерки-эскизы, то и тогда он все-таки получит представление об этапах и проблематике формирования сегодняшнего Киева — столицы Украины.

Тем и обусловлена форма подачи материала — короткие эссе, словно пазлы мозаики, из которых складывается общая картина развития города в особых условиях смен политических систем, моральных и эстетических паттернов. Особое внимание уделяю тем событиям прошлого, которые отзываются в наши дни такими дикими политическими причудами, что диву даешься!

В книге я реализую важнейшие для себя принципы. И первый из них — я ставлю во главу угла человека, считая, что высшей ценностью общества является судьба личности, ее благополучие, свобода, собственное достоинство. Уверен, когда человек вынужден поступать не добровольно, а по команде — ради коллективизации, ради геополитического расширения отдавать свою жизнь, силы, благосостояние, свободу, то такой подход к делу всегда обречен на неудачу. История определяется не тем, насколько сильно или велико государство, а насколько счастлив, свободен и благополучен гражданин. Я привык исходить из принципа, что высшей человеческой ценностью является свобода воли, и там, где она не может реализоваться без ограничений, государство терпит фиаско. Не личность для государства, а наоборот, — это основной мой девиз. И он исторически обоснован — ведь личность сложилась значительно раньше государства, которое она уже впоследствии создала ради достижения своих целей.

Если этот принцип приложить, как лекало, к облику государства, созданного большевиками, то проявится его бесчеловечное обличье, потому что во главу угла ставилось общее, личность же и население в целом наделялись служебной функцией.

История каждого народа, города притягательна известными личностями, избегшими участи винтиков и биомассы для государства,

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества».

А. С. Пушкин

именами, достигшими творческих вершин. Легенды — это строительный материал вечности. Пока мы их помним и передаем своим потомкам, мы, как боги, владем секретом бытия и можем на равных спорить со смертью.

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА: С ФЕВРАЛЯ ПО ОКТЯБРЬ

Когда читатель погрузится в мое историческое повествование, он удивится, что события 100-летней давности словно списаны с сегодняшних или не так давно прошедших дней. В этом один из важнейших законов всемирной истории: все происходит по спирали, только каждый следующий раз — на другом витке.

В предыдущем томе «Киев капиталистический» я закончил повествование Февральской революцией 1917 года. Этим я отличаюсь от большинства историков, которые доводят этот период до октября того же года, так называемой в прошлом Великой Октябрьской социалистической революции (далее ВОСР). Может быть, применительно к России это и имеет смысл, а в Украине Октябрьский переворот остался практически незамеченным.

Так почему в феврале перестала существовать Империя? Не было такого, чтобы *«низы не хотели, а верхи не могли»*, качество жизни не снижалось, наоборот, на протяжении всего пореформенного времени, начиная с отмены крепостного права, наблюдался рост, положительная динамика, царское правительство систематически проводило реформы, способствовавшие развитию экономики, культуры, повышению уровня жизни и совершенствованию политической системы.

Если проанализировать цифры и посмотреть на них непредвзято, станет видно, что государство занималось социальными вопросами, в меру возможностей заботилось о гражданах. После реформ детская смертность уменьшилась и средняя продолжительность жизни увеличилась с 27 до 36 лет, грамотность населения — с 17 до 40 %, реальная зарплата сельскохозяйственных рабочих выросла в 3,8 раза,

промышленных рабочих — в 1,4 раза, число банковских вкладчиков умножилось в 159 раз! В 1913 году вклады имели около 4,3 млн семей, или 26 млн человек, то есть 21 % жителей Европейской части России! Крестьяне приобрели 27 млн га земли (больше территории Великобритании!), выплатив в казну огромные деньги — 971 млн рублей. При этом напомним, недоимки росли, пока очередным манифестом царь не прощал долги. (Как иногда это хочется прочувствовать на себе у нас в Украине, хотя бы при смене президента, — вот бы нивелировалась несправедливо начисленная коммуналка!) Биржевой курс акций русских компаний только повышался, и признаки кризиса не просматривались ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве, ни на транспорте. Казалось бы, бесспорные факты, но многим моим современникам, охваченным советским мировоззрением, воспитанным повседневной компартийной идеологией, это не верилось, казалось невозможным.

Революция в феврале — это главным образом результат борьбы за власть между разными группами элит. Наиболее активная часть интеллигенции была уверена, что вполне созрела для большего участия в госуправлении и может гораздо успешнее руководить обществом, чем современная монархия. В борьбе за власть использовались все средства, в том числе и террор, и пиар. Блестящая PR-активность противников монархии, а после февраля 1917-го Временного правительства, стала важнейшим фактором революции. В целом оппозиция оказалась искуснее и успешнее, выиграв информационную войну. С помощью четкого и продуманного общения с властями, поддержания связей с различными социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением она создала ощущение экономического и политического кризиса в стране, подготавливая почву для революции, завоеывая сердца и умы людей, чтобы в решающий момент вывести народ на улицы, воспользовавшись недовольством, вызванным Первой мировой.

Но не война послужила главной причиной революции в Российской империи. Конечно, много людей погибло и

было ранено на фронтах, в народе накопилась усталость, но главные проблемы начались именно после Февральского переворота.

Либерально-демократическая оппозиция, которая и заварила всю эту кашу, оказалась не готова к тому, чтобы проводить соответствующую обстоятельствам политику и нести ответственность за страну. Милюков, Керенский и прочие господа, что взახлеб обвиняли в трусости и слабости Николая II, сами, придя к власти, повели себя еще хуже.

Временное правительство решило во время войны проводить демократические преобразования, привлекая широкие «общественные силы» для решения государственных задач. Однако вследствие поспешных преобразований всех царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок была парализована или затруднена работа государственных и частных служб, промышленных предприятий, транспорта, судов и органов охраны правопорядка. Наступил тотальный институциональный кризис. В результате за восемь месяцев был нанесен сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, эффективности управления; началась анархия, развалилась армия, выросла преступность. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране, привела к новому взрыву революционных страстей и породила октябрьское восстание — слишком уж очевидным оказалось несоответствие между действительностью и ожиданиями от свержения монархии. Эти промахи власти столетие назад заставляют и сегодня задуматься...

Большевики умело воспользовались моментом, хотя до февраля даже Ленин не верил, что доживет до революции. В отличие от кадетов и прочих нерешительных, они сумели не только захватить, но и удержать власть. Это повлекло за собой позорный выход из Первой мировой и спровоцировало гражданскую войну. Но большевикам удалось железной рукой восстановить общественный порядок. При этом они имели поддержку лишь в крупных городах, среди рабочих, провинцию революционная волна долго не затрагивала, там люди жили иными заботами.

В исторической памяти не осталось места для «Великого Октября», лакированную версию которого настойчиво вдалбливали нескольким поколениям, начиная со школы. Зато появилась Великая Русская революция, почти полная тезка и едва ли не исторический аналог Великой Французской, бывшей потаенной мечтой большевиков, которые просто болели грезами о такой же Великой Революции в России. Они всячески подражали французским революционерам, взяв себе за главных кумиров Робеспьера и Марата — недаром так много улиц было названо именами этих революционеров. Они, наверное, не очень расстроились бы, даже узнав, что под Великой Русской революцией подразумевается не их Октябрьский переворот только, а все революционные события 1917 года.

И все же сравнение двух революций — если говорить об их влиянии на общество — выглядит, мягко говоря, натянутым. Великая Французская революция оставила после себя *изменившийся мир* (при всех кровавых кошмарах, судорогах политической борьбы, публичных казнях, служивших в те годы чем-то вроде нашего телевидения, войнах и реставрациях). Особенность Октябрьского переворота — совершенно иная.

Да, на первый взгляд большевики изменили Россию и мир даже серьезнее, чем Робеспьер и Наполеон. Упразднив частную собственность, создав бесклассовое общество, номенклатуру в роли правящей надстройки, «лагерную» экономику... Но, как и любая утопия, большевистская, исчезнув, не оставила после себя ничего реального. Более того, оказалось — при всей кровавой «прополке» населения, которую проводили победители на протяжении всего своего правления, — что общественные процессы добольшевистской России никуда не делились, они были просто заморожены. Большевики поместили общество в гигантский холодильник, в котором ничего настоящего не происходило. И когда власть коммунистов подошла к концу, выбравшиеся из морозильной камеры люди стали жить так, будто и не было этих семи десятилетий — ни в жизни самой

России, ни в окружавшем ее мире. Если мы поймем, что все вышли из холодильника, нам куда проще будет объяснить и очевидные социально-экономические различия между регионами Советской империи — достаточно увидеть, что линии цивилизационного раскола отнюдь не случайны и зависят во многом от того, когда и где происходила омерзительная большевистская «упаковка».

Преступления коммунизма. Спустя десятилетия кажется, что весь социальный опыт, полученный с тех пор, сводится только к сталинизму и ГУЛАГу. Вопреки такому одностороннему взгляду журнал *Le monde diplomatique* отводит советскому коммунизму определенное место в истории и размышляет над уроками, которые можно и нужно (!) извлечь.

Множество людей, и не только старшего поколения, считают, что в СССР жить было лучше. И дело не только в бесплатном здравоохранении и образовании. Тут и память о «халяве», работе вповалку (во многих областях и отраслях), обеспечивавшей некую серую жизнь без претензий. Хотя такое местечко можно было найти по большей части лишь

Киевский дом пионеров.
1934 год

в крупных промышленных городах, да и то не во всех. Тут и жизнь в стране, где ничего нельзя было купить, но все можно было «достать». А кроме того, в те времена были наработаны такие формы социалистического события в обществе, которых сейчас и вправду весьма не хватает в нашей жизни. Например, пионерская и комсомольская организации с их разветвленной структурой. Созданные для «воспитания молодежи в духе служения Коммунистической партии»,

они, если отбросить политическую мишуру, не особо воспринимавшуюся юным сознанием, выполняли, через дворцы пионеров, пионерские лагеря и комсомольские стройки, большую воспитательно-гуманитарную работу, консолидировали общество, культивировали дух единства и общности.

Любую систему нужно анализировать с точки зрения ее жизненных сил, ее способности или неспособности видоизменяться, адаптироваться, реформироваться и таким образом обретать жизнённость, отходя от опасных тенденций. А идеологии часто ослепляют, потому что занимаются самовосхвалением. Они незаметно отключают самоконтроль, и человек уже не замечает, как в режиме, при котором он осуществляет свою жизнедеятельность и который считает наиболее желательным для себя, происходят медленные подспудные изменения под действием экономических и социальных факторов. В результате накопление этих изменений способно вообще лишит человека привычной и адекватной ему среды обитания, оставив от прежнего режима лишь воспоминание. Такую ситуацию можно сравнить с театром, где нет ничего общего между действием и декорациями: они вообще из другого спектакля — неслучайно модернистские пьесы ставятся без оформления сцены.

Кризисы и фазы распада — неизбежная часть исторического процесса. Часто они знаменуют конец очередной эры или системы. Если в это время фигурируют соответствующие силы, внутренние или внешние, то открывается новая страница, порою под заголовком «Революция».

К слову, утверждать, что революцию (октябрьскую) «совершили» большевики, по меньшей мере невежественно. Это трактовка, навязанная советскими историками, которая показывает лишь то, что пропагандисты или не

— Как в Одессе с мясом?
— С мясом хорошо, только
где его взять? — отвечали
жители южного города
с хорошо развитой мясо-
молочной промышленностью.

вникали в суть, или просто лгали. А дальнейшая многолетняя художественная и кинематографическая эпопея о революционных и постреволюционных событиях — это уже просто мифологизация революции и светлого социалистического будущего. Сентябрь-октябрь 1917 года ознаменован абсолютным параличом власти, все шло к крестьянским бунтам, внутренней войне и всеобщему хаосу. Революция была всего лишь ответом на эти безобразия, на перспективу полного исчезновения государства. Так что расхожее мнение, что именно революция вызвала кризис, тоже не соответствует исторической правде: наоборот, большевики взяли власть в свои руки — после того как другие силы, отчаянно пытавшиеся контролировать ситуацию, ее только усугубили, — надеясь предстать перед обществом силой, способной обуздать процессы распада государства.

Политический режим, представленный Временным правительством, был только декорацией, этикеткой государственности. На самом деле отсутствовала не только власть, но даже ее видимость. Большевики *не брали власть, ее ни у кого не было и не было необходимости ее устранять*. Власть следовало еще создать и организовать. Ленин признавался, что у большевиков не было ничего, кроме лозунгов «социализм», «революция» да обещаний отменить привилегии и титулы. Ключом к успеху стал призыв к крестьянам завладеть землей, которую они обрабатывают и которую считают своей. Подобная мера могла бы спасти и Временное правительство, если бы оно на нее пошло. Но послушное крупным землевладельцам правительство Керенского было убеждено, что социализм неприемлем. Министры-капиталисты не могли принять буржуазно-демократическую революцию в России. В этом состояла драма политических партий между февралем и ноябрем 1917 года, запутавшихся в блоках и коалициях. Хаос разрастался, а они не сумели ни отдать себе в этом отчет, ни обуздать. (Так похоже на состояние политических сил в Украине 2014—2020 гг.)

Большевикам все-таки удалось справиться, хотя они были у власти только номинально, вывеской и не более.

Но и эта партия не могла удержать полный контроль над событиями, и не столько из-за массового наплыва новых членов, сколько из-за огромного давления неотложных задач, к выполнению которых ее не подготовили ни дореволюционный опыт, ни характер, не успевший пройти закалку. Хотя партия существовала и в ней присутствовала реальная внутренняя демократия, бури социально-экономических задач, накрывшей ее после взятия Зимнего, она не пережила. Даже гражданская война сама по себе не смогла бы сломить большевиков, набор бесчисленных административных задач и проблем государственного строительства подорвал их силы и нарушил какие-то важные внутренние связи.

* * *

Особенность отечественной истории — ее прерывистое развитие, 1917 год не единственный ее слом, но, пожалуй, самый глубокий. Его последствия до сих пор не пережиты, не удалены, а хуже всего, что они даже не отрефлексированы, то есть население, вообще-то, не очень понимает, что же произошло. Нам в течение достаточно долгого времени вдалбливали, что *«это был Великий Октябрь, необыкновенный взлет народного творчества, мы создали новый мир, и все страшные вещи, которые существовали в дореволюционной России, остались в прошлом»*.

К сожалению, до сих пор ничего принципиально нового мы к этому добавить не можем. Дело в том, что вся европейская историческая наука, из которой черпаем методологию, критерии, подходы, понятия, в том числе такое понятие, как «революция», основана на исследованиях западной цивилизации. А мы пытаемся с тем же аппаратом изучать наши внутренние процессы, и у нас ничего не складывается, в частности, если приложить тот же инструментарий к событиям 1917 года, то ничего понять невозможно.

Здесь я должен остановиться на крахе Российской империи, из которой, несмотря на 72-летний вынужденный шлюз, вышла сегодняшняя Украина.

Чем же следует вооружиться, чтобы начать что-то понимать? Я предлагаю обратиться к Евангелию, к Священному Писанию. В одном из апостольских посланий есть фраза, которая, на мой взгляд, дает ключ к пониманию ситуации 1917 года: *«Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны...»* (2 Тим 3:2). Вот описание того состояния, в которое впал обитатель империи. Причем не только обычный человек, но и представители элиты, руками которых было сделано то, что произошло тогда и позже. Это состояние общества А. И. Деникин назвал *«Русской смутой»* — такой вот род национальной болезни. Когда Россия стоит перед какой-то проблемой, перед тем, что наши соседи называют вызовом, и не может адекватно на него ответить, то у них, соседей, не запускается механизм общественной консолидации, обмена мнениями, выработки какого-то всеобщего решения.

В России, республике или империи, нет и никогда не было такого механизма! Соответственно, и в Украине сегодня нет нормального парламента. Государственная дума, действовавшая к моменту Русской революции, в привычном смысле парламентом не являлась. Это было некое странное сборище, состоявшее из партий, никого не представлявших, кроме себя. Поэтому первая и вторая Думы были распущены как *«думы народного гнева»*. Они не занимались конституционной работой, а только кричали: *«Долой! В отставку!»* Для того чтобы эти вопли были убедительны, производящему их следовало находиться в каком-то неестественном состоянии. Именно в том, которое в строках из апостольских посланий: *самолюбивы, нечестивы, недружелюбны*. Эта модель соответствует и сегодняшней Верховной Раде.

Можно ли с этим опасным явлением бороться какими-то политическими средствами? Может ли политик вообще что-то сделать со смутой в государстве? Если обратиться к прецедентам и аналогиям — ответа не найдем. Потому что проблема, которая встает перед страной, очевидно, лежит не в политической плоскости. Власть утрачивает то, что

называется легитимностью, авторитетом, и предложить уже ничего не может!

При этом историки часто повторяют, мол, народ в Первую мировую войну не знал, за что воюет. Это очень ценное замечание. Говорить о том, что кто-то там чего-то не понимал в европейской политике начала XX века... А кто и когда понимал?

К 1916 году хорошо подготовленной, воспитанной кадровой армии в России уже практически не осталось. Солдат — это же не человек с ружьем, это совершенно особая психология. Офицера тоже невозможно подготовить за короткое время. Хотя были, конечно, прапорщики ускоренного призыва, то есть гимназисты, студенты, которых быстро кое-чему обучили, натаскали. Но в целом такая армия представляла колоссальную опасность, потому что все упаднические настроения она перенесла на передовую. Нужен был только спусковой крючок, нужно было чуть-чуть подтолкнуть ситуацию, чтобы началась полномасштабная русская смута, чтобы были отброшены все понятия о чести и достоинстве. В качестве такого толчка и выступил, на мой взгляд, переворот февраля 1917 года.

Удивительное дело, страну взорвали смутой вовсе не реальные проблемы. Немецкий генеральный штаб уже после кампании 1915 года пришел к выводу, что Германия проиграет войну. И было совершенно ясно к началу 1917 года, что Россия войну выиграет, даже если бы солдаты просто сидели в окопах в районе Минска и не давали противнику подойти к первой линии обороны. Но в обществе ширились другие настроения: все пропало, страна проигрывает войну и если не произвести какие-то кардинальные действия, не пойти на что-то чрезвычайное, тогда все кончено. За этими настроениями абсолютно ничего не стояло, но они охватывали всю элиту, великих князей, генералов, депутатов из Государственной думы всех партий. Современный украинский гражданин то же самое ежедневно слышит с экрана телевизора, в транспорте, в обиходе...

Но когда появилось это настроение? А. П. Чехов замечательно зафиксировал его в рассказе «Невеста». Есть там герой Петя Трофимов, который постоянно нудит, что все ужасно, что все затхлое, никуда не годится. И главная героиня, невеста, в конце концов в это верит и начинает говорить, что *«главное — перевернуть жизнь, а все остальное — не нужно»*. Вот настроение российской элиты к февралю 1917 года! За этим не стоит никаких реальных существенных проблем. Мы побеждаем. У нас деревня живет как никогда — с колоссальным достатком. Все трудности несоизмеримы с проблемами нашего противника в войне. И тут вдруг комплекс чеховской невесты: *«главное — перевернуть жизнь»*. Так возник феномен российского Февраля. Причем это был не западный переворот, когда есть какой-то сценарий, ясные цели, роли расписаны. Ничего подобного! Это была отсебятина, когда каждый из участников подталкивал ситуацию.

1 марта поезд Николая II приезжает на станцию Псков. В вагон заходит смертельно бледный командующий Северной армией генерал Рузский и говорит государю императору: «Надо сдать на милость победителю...» Да у тебя же миллионная армия стоит под Псковом, рядом Петроград, там запасные полки! Но он подталкивает ситуацию к отречению от престола.

Далее интригует господин Родзянко, председатель IV Государственной думы. Он говорит, что там ужасные хлебные беспорядки, все пропало. При этом в Сибири — десятки тысяч тонн мороженого мяса, хлеба столько — за два года не съесть. Страна битком набита продовольствием. Кое-чего не хватало в самом Петрограде, но к 1 марта проблема была решена. Однако господин Родзянко подталкивает: нет никакой надежды, начинаются хлебные бунты...

Государь запрашивает ставку. А там генерал Алексеев, начальник штаба, тоже весь в хандре и депрессии. Почему они это делают? Да потому что они все заражены этим комплексом чеховской невесты: *«главное — перевернуть жизнь»*, в первую очередь — сменить власть. Зачем это? На-

чинаешь разбираться с тем или другим, как с персонажами исторической драмы: а что за этим стоит, ради чего? А они отвечают на страницах хроники тех лет, как роботы: ради победы. А ведь ясно как божий день, что, если сейчас, за один шаг до победы, спровоцировать смуту отречением царя от престола, то никакой победы уже не будет.

Я, автор этой книги, каждый день, включая Интернет, читаю: «Завтра будет поздно», «Сегодня или никогда!», «Ждем 3-го Майдана!», «Верховна Рада не хочет работать!». Ежедневно, уже надоело, а тут еще приятельница по телефону: «Скажи правду, что с нами будет?!» Да то же, что и 100 лет тому назад! Как не вспомнить Конфуция: «На самом деле жизнь проста, но мы настойчиво ее усложняем».

Николай II, человек, конечно, не самый мужественный и волевой, абсолютно правдиво и мужественно описывал ситуацию в своем дневнике. Кругом измена, трусость и обман. Это переворот! Ни на кого положиться нельзя, все охвачены этим ощущением. В значительной степени оно сформировано либеральным мировоззрением: в России все надо поменять и устроить на европейский манер. Дескать, все, что у нас есть, — неправильное, жизнь у нас ошибочная, ее надо сделать правильной. А сейчас такой случай, сейчас война, государь мечется, какие-то заносы на железных дорогах, так что можно этот либеральный идеал осуществить.

При этом Псков, где разворачивается трагедия, — тихий губернский город. Там спокойно, беспорядков питерского разлива нет и в помине. Но «комплексом невесты» заражены все: чиновники губернские, уездные, какие угодно. Поэтому все кончается исторической нелепицей, когда государь отрекается в пользу своего брата. При этом его никто не спросил, на каких условиях согласен Михаил Александрович, на каких условиях сам Николай Александрович оставляет престол. Ничего этого не прописано. Такая легкомысленная, нелепая и жалкая импровизация.

2 марта к вечеру подписывается Акт об отречении, и на следующий день на кораблях Балтийского флота его

зачитывают. Навигация еще не началась, все корабли стоят в бухтах Гельсингфорса и Кронштадта. Флот не испытывает вообще никаких продовольственных затруднений. Никаких проблем нет. Но после того как прочитывается акт отречения, начинается страшный погром с охотой на офицеров. На броненосце «Император Павел I» и линкоре «Андрей Первозванный» матросы убивают нескольких офицеров. К мятежникам выходит командир корабля: «Матросы, я ваш командир. Почему вы убиваете офицеров?» Тут же выскакивает некто с выпученными глазами и начинает визжать: «А вы нашу кровь пили!» Командир в ответ: «Давай, расскажи, кто и какую кровь пил?» И что происходит? После некоторой паузы раздаются крики: «Не дадим нашего командира в обиду!» То есть дело не в том, пили кровь или нет, а в том, что вышел человек волевой, смотрящий прямо перед собой, очевидно, пользовавшийся еще вчера полным авторитетом у матросов. Делаем вывод: в одночасье сложилась ситуация абсолютного духовного помрачения — один из главных признаков русской смуты. И вот, на следующий день пьяные, находящиеся в угаре после ночных убийств офицеров матросы, преимущественно с «Павла I», арестовывают командующего Балтийским флотом генерала Непенина. В него стреляют, грабят, колот шттыками. Адмирал — все это знают — был среди тех командующих, которые высказывались за отречение государя. Он человек революционный, за что ж его убивать-то? Да просто он адмирал, а значит, «пил кровь» и теперь является объектом слепой ненависти, под которую можно подвести что угодно: классовую борьбу, террор и так далее.

В других частях российской армии новость об отречении царя была воспринята без кровавых последствий, но с не меньшим угаром. Несколько дней все офицерство с упоением праздновало «победу революции». Постепенно с фронта эта смута распространилась на деревню, и в конце весны — летом 1917 года по всей стране прокатилась волна погромов дворянских усадеб. Все, как уже сложилось 10 лет до этого, — грабеж и заметание следов огнем!

А что в Крыму? Для тех, кто считает Крым «русским», а Черноморский флот — гордостью Российской империи, даю небольшую цитату. Отрывок из речи командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака на Пушкинской площади города Севастополя в апреле 1917 года. Перед несколькими десятками тысяч манифестантов он сказал: *«Мне выпала честь говорить с украинцами, которые собрались здесь заявить о своем существовании, наглядно его засвидетельствовать. Черноморский флот, руководить которым имею за честь, на 90 % состоит из сыновей этой нации. Я не могу не приветствовать украинскую нацию, которая дала мне наилучших моряков, которые только есть в мире»*. Здесь нелишним будет заметить, что Александр Васильевич был наследником сотника казацкого бужского войска Лукьяна Колчака и османского военачальника Ильяша Колчака-паши.

Именно к 1917 году в Российской империи вызрела застарелая чудовищная проблема, которую необходимо было каким-то образом разрешить. Это проблема культурного раскола России на европеизированную и традиционалистскую части. Несмотря на прошедшие 100 лет, она до сих пор не решена, поэтому всякие вопросы о национальном примирении, единстве будут об нее разбиваться. Возник этот недуг в результате Петровских реформ. В дальнейшем было отмечено несколько обострений протекания болезни, самое сильное из которых приходится на период так называемых Великих реформ Александра II.

Л. Н. Толстой в разговорах с иностранными корреспондентами заявлял, что не только русское правительство, но и всякое правительство стоит адвокатом стомиллионного российского крестьянства и считает ложным всякую деятельность либеральных врачей, земцев, адвокатов, писателей, студентов, потому что это связано с неправдой, от которой происходит всякое зло. Целью погромов помещичьих усадеб были не какие-то конкретные жизненные блага — ничего подобного! Это было уничтожение *«насилия и неправды»*. На этот мировоззренческий крючок, засевший в душах

простого люда, и цепляли профессиональные бунтари, выступавшие заводилами всеобщей смуты. А коль уж ситуация смуты создана, то на сцену обязательно должен выйти некий самозванец. Так считается и у нас: каждый предыдущий президент крал у народа...

Явление «героя» не заставило себя долго ждать. 3 апреля 1917 года. Знаменитая сцена, опозитивированная в литературе и кинематографе. Финляндский вокзал, поздно, темно, площадь перед вокзалом заполнена матросами и солдатами запасных войск. Все ждут Ленина. Вообще-то, ждут предателя: ни для кого не секрет, что Ленин приезжает через воюющую Германию, и он этого не скрывает. Так кто же он такой? Политический эмигрант, которых немало, на его лекцию в Цюрихе в начале 1917 года собралось 7 человек — так что, по сути, никто. При этом еще полтора месяца назад никому и в голову бы не пришло, что в России начнется какая-то революция. Сам Ленин подумывал переехать со своими «гениальными идеями» в Америку. Но он приезжает в Россию, и его встречает в здании Финляндского вокзала компания из профессиональных революционеров: меньшевики, эсеры. Он им говорит: *«Мы будем совершать социалистическую революцию»*. Все в шоке, потому что не знают, что тогда с еще вчера совершенной буржуазной революцией делать. Какая социалистическая?! А дальше он с балкона особняка Кшесинской, где обосновались большевики, заявляет то, что в России могут простить только самозванцу: *«Защита Отечества — это значит защита одних капиталистов против других»*. Если бы это какой другой либерал или националист выкрикнул, его постигла бы немедленная политическая смерть. Но с Лениным — наоборот! Потому что гений Владимира Ильича может отринуть весь этот марксизм, всю эту демагогию, которой он прекрасно владеет. Ленин великолепно разбирается в том, как работает механизм русского бунта, и он спекулирует на этом затаившемся, ко всему готовом предательстве, запускает механизм, который дает право на грабеж, на бесчестие, на что угодно! И вот он запущен, и страна в состоянии смуты — твоя.

Второе явление этого замечательного персонажа. 8 октября, актовый зал Смольного института заполнен матросами и прочими вооруженными людьми. Вот такой был контингент. И Ленин показывает им две бумажки: «Декрет о мире» и «Декрет о земле». И никому не приходит в голову, что это просто филькина грамота! Что значит декрет о мире? Как декрет о мире может принять воюющая страна? Что мы сделаем? Разоружимся и пустим к себе врага? Тут должны возникнуть десятки вопросов, потому что это провокация и демагогия. Но в состоянии смуты это нормально. Зал взрывается овацией, и все поют «Интернационал».

Через некоторое время в Брест-Литовске. Немецкое командование ни о каком мире без аннексии и контрибуции и слышать не хочет. Если вы, мол, 18 губерний, треть промышленного и человеческого потенциала, положите — тогда будет вам мир, какой хотите. И такой мир, как известно, был подписан.

Дальше начинается самое интересное. Большевики берут власть, которая просто валяется под ногами. 25 октября в предпарламент заявляется горстка матросов и звучит фраза, ставшая историческим афоризмом: «Все свободны. Караул устал!» Предпарламент без вопросов в полном составе встает и уходит.

Но ведь война-то на этом не кончилась. Это самое главное! В концепции Великого Октября есть один неприятный момент. Считается, что сначала был Великий Октябрь, а уже потом, в результате попытки эксплуататорских классов добиться реванша, началась гражданская война. Однако еще в 1914 году, когда только-только началась Первая мировая, Владимир Ильич бросает такую неосторожную фразу: *«Наша задача — превратить войну империалистическую в войну гражданскую»*. Вот это серьезный политик, ничего не скажешь! Понятие «гражданская война» в данном случае — это такой перевод на язык европейской истории того, что называется русской смутой. Конечно, европейская гражданская война не похожа на русскую, это совсем разные явления, так что *«превратим войну империалистическую*

в русскую смуту» — вот как это должно было звучать для русского человека.

Наконец большевики во главе с Лениным приходят к власти, и немцам отдается все, о чем они мечтали, включая позорный, унижительный мир. Ладно, что ж поделаешь, но — стоп! Война ведь должна остановиться. А ничего подобного! Если бы это произошло, большевики, очевидно, продержались бы несколько месяцев, не более, как все и предполагали. Но Ленин не останавливает гражданскую войну, не укрощает русский бунт. Напротив, он распространяет войну на крестьянский мир. Ради этого летом 1918 года издается «Декрет о комбедах» (комитетах бедноты). Осуществляется политика такого рода: разделить деревню по классовому признаку на кулаков и бедноту, после чего сравить одних и других. Параллельно ведется война с рабочими, то есть с теми, ради которых, теоретически, так называемая революция и осуществлена. Все выступления рабочих против большевиков подавляются жесточайшим образом. Вот так и создается идеология гражданской войны.

А с убийства в Киеве митрополита Владимира открывается и церковный фронт. И тут я, дорогой читатель, подхожу к сути того, что произошло в 1917 году и вообще в XX веке. Организовать церковный фронт со вскрытием мощей, с изъятием церковных ценностей, с травлей патриарха — это, в общем, было делом несложным. Но дальше происходит удивительная вещь. Все институты русского мира уничтожаются просто на раз-два-три: офицерство, интеллигенция, земские и государственные деятели. К концу 1920-х — началу 30-х годов, после коллективизации и раскулачивания, практически крестьянства нет. Только с Церковью так не получилось. Церковь стала совершенной другой, она приросла примерами подвижничества, мученичества, исповедничества.

Можно говорить об отдельных явлениях февраля 1917 года как об имевших отчетливые революционные черты, но суть тех событий в другом: Россия пережила свою Голгофу. Это главный смысл! Случилось, как в песне: *«Весь*

мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был никем...» — тот хочет все! Вот как стала складываться новая, советская буржуазия. Те, у кого за душой пустота, стали править миром и заграбастали все его богатства, исключая духовные, в коих не нуждались...

А мир насилия остался. В памяти российского общества он сохранился генетически, столетием вскормленный книгами, фильмами, и еще более окреп с появлением телевидения. Как римский плебс перед распадом империи восторженно встречал бои гладиаторов с растерзанием христианских мучеников дикими зверями, так и сегодня духовно убогий телезритель впитывает сцены насилия и террора.

Та бескомпромиссная линия террора, что протянулась с конца XIX века далеко вглубь XX, вывела на свет весь подспудный кроваво-черный хаос, который уже давно шевелился в душах человеческих, по большей части непро-свещенных, темных и забитых. Наличие у власти разного рода «непримиримой» оппозиции зависит только от одной опции в обществе — от морального оправдания террора в массовом сознании. Если этого оправдания нет, никакого кровопролития не будет. И не террористы тут главные, они лишь исполнители социального заказа. В истории самых разных народов такие кровопролития воспринимались с восторгом, люди обнимались и поздравляли друг друга со слезами на глазах.

Так мы и вернулись к тому самому психологическому комплексу, который взрастила российская элита. Вы спросите, зачем все это долгое вступление к книге о Киеве? Я думаю, оно не лишнее. Ведь все вышесказанное, к моему глубокому сожалению, касается и моего Города тоже.

МОРОЗНАЯ ЗИМА 1917-го В КИЕВЕ

Тревожные сигналы будущего «эсэрэсэрского» Киева следует усматривать в первых днях после Февральской революции и отчет начинать с создания Центральной Рады.

События разворачивались следующим образом. Уже 4 марта состоялось 1-е заседание Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов, а через день — Учредительное собрание Киевской большевистской организации. Когда же в 1917 году была создана Центральная Рада, избравшая своим председателем М. Грушевского, украинским национальным силам по-прежнему просто не хватало людей, которые взяли бы происходящие социально-политические процессы под строгий контроль. В итоге время было потрачено на теоретические споры. Крестьяне и без большевиков горячо поддерживали идею независимой Украины, но потом большевики бросили в массы свои брендовые лозунги: «Землю — народу!», «Долой войну!» — с призывом грабить богатых, и поддержка вдруг испарилась. Потому что зачем же что-то поддерживать и созидать, если можно просто грабить и разрушать?

Призывы-то оказались обманчивыми, война перерастала в гражданскую, а в Украине не нашлось достаточно людей, способных за короткий срок создать сильную армию, управленческий аппарат и раздать землю крестьянам. Они были, но этой горстки отважных было явно недостаточно. Здесь читатель в очередной раз может отметить связь времен. В дальнейшем мы неоднократно столкнемся с событиями, созвучными с происходящими сейчас. К сожалению, их немало и причин для не самых радужных ожиданий у нас становится все больше и больше!

Зима 1917 года выдалась морозной. Снег засыпал киевские улицы, часто полностью блокируя их для проезда. На продувном ветру стояли «хвосты» — огромные очереди: за дровами, керосином, хлебом, мясом, очереди на трамвай. Это была типичная картина последних месяцев жизни города при царском режиме. Вскоре она изменилась, но не во всем — к лучшему.

Киев переживал четвертый год большой войны, которая его истощила морально и физически. Хотя линия фронта проходила довольно далеко от города, его пульс ощущался.

В разгар холодов киевляне и городские предприятия оказались без угля. Если летом в Киев привозили более 800 вагонов в месяц, то к концу года — только 300, а в январе угольные склады опустели вовсе, на электростанциях резервные запасы неуклонно истощались. Городская управа в целях экономии ресурсов распорядилась отключать уличное освещение после полуночи, углем перестали снабжать городские, воинские учреждения, лазареты, больницы, не говоря уже о частных потребителях. Медучреждениям предложили размещать всех больных в нескольких палатах, чтобы уменьшить отапливаемую площадь. Из-за жуткого холода на некоторое время закрылась городская публичная библиотека. Караваевская, Троицкая и Московская бани прекратили работу отделений третьего класса.

В отличие от угля, дров в городе, слава богу, было достаточно. Но хранили их в гавани, где ожидаемый весенний паводок грозил полным затоплением. К счастью, городская власть вовремя спохватилась и приказала немедленно транспортировать дрова к городским складам, для этого задействовали даже трамвайные вагоны. Но угольный кризис

Наводнение на Подоле. Из архива автора

резко взвинтил цены на дрова. За ними толпами ринулись домовладельцы, которым специальным постановлением вменялось в обязанность поддерживать определенную температуру для квартиросъемщиков, постоянно мерзнувших в своих жилищах. Киевские газетчики сетовали: *«На Александровской площади и в Контрактовом доме безнадёжная пустота. По соседству с домом приютилось десятка два балаганов, торгующих преимущественно сладостями либо рыбными товарами. Посетителей тоже не густо. 1 февраля, в день открытия контрактов, посетителей можно было пересчитать по пальцам. С одной стороны, торговцы игнорируют контракты, а с другой, и киевлянам сейчас не до них. Стоят холода. Пока выстоишь трамвайную очередь, чтобы попасть на Подол, так всякое желание отпадает. Дороговизна наконец сделала свое дело».*

Езда в трамвае действительно превратилась в настоящую пытку. Сокращение подвижного состава и недостаток служащих заставили трамвайное предприятие отказаться даже от подобия регулярного движения. На некоторых линиях — Владимирской, Саперной, Глубочицкой, Набережной и Межигорской — трамваи не ходили вовсе. Стремясь хоть как-то помочь людям, и. о. городского головы Федор Бурчак распорядился открыть вестибюль здания Думы на Крещатике, чтобы там могли греться ожидающие трамвая киевляне.

Направив все ресурсы для армии и для победы, власть обрекла тыловой Киев на полуголодное существование. С 1914 года цены на важнейшие продукты питания подскочили на 350 % и продолжали расти. Приказчики в магазинах и на складах не успевали менять ценники, а покупатели негодовали из-за жуткой дороговизны.

Огромной проблемой оказался тотальный дефицит. В январе-феврале Киев остался без ржаной муки, из которой выпекали социальные сорта хлеба. Городские власти закупали зерно и муку в достаточных количествах, но железная дорога не могла их доставить, а правительственные уполномоченные на каждом шагу старались реквизировать

хлеб в пользу армии. С раннего утра люди буквально осаждали хлебные лавки, разметая товар за считанные минуты. Несладко пришлось окраинам, где вовсе не было пекарен. Озлобленные жители пригородов были на грани бунта.

Молоко и сахар просто пропали с городских прилавков. Федор Бурчак инициировал ревизию конфектных фабрик, которые подозревал в сахарных спекуляциях. Простые горожане уже давно получали сахар по карточкам, и даже в народные чайные его подвозили нерегулярно, власти опасались, что завсегдагаи чайных, городские «низы», в конце концов могут взбунтоваться.

Огромные очереди стали приметой времени. Люди стояли на лютом морозе и пронизывающем ветре, иногда с 5 утра до позднего вечера. Выстаивали часами не только за питанием, но и за одеждой, обувью.

9 января Городская дума приняла комплексный «Продовольственный план». Он предусматривал субсидии местным кооперативам, привлечение общественных организаций к снабжению Киева продовольствием, создание сети столовых и молочных ферм. Дополнительно губернатор приказал разводить при больницах огороды, чтобы обеспечить питанием пациентов, но это осталось только в планах.

А в Петрограде 23 февраля на почве перебоев с продовольствием начались массовые митинги. Лозунги типа «Хлеба!» вскоре сменил призыв «Долой самодержавие!». Власть проявила полную неспособность справиться с беспорядками. Решающим стало 27 февраля, когда несколько частей Петроградского военного гарнизона перешли на сторону восставших. Уже на следующий день в городе возникло два новых центра власти — временный комитет Государственной думы (позже его сменил Временное правительство) и Совет рабочих депутатов. Революция свершилась.

А Киев в это время пребывал в блаженном спокойствии. Власть имущие и влиятельные общественники 1 марта собрались на срочное совещание у командующего Киевским военным округом генерала Николая Ходоровича. Там сформировался новый орган городской власти — Совет объ-

единенных общественных организаций и Исполнительный комитет при нем. Исполком возглавил опытный городской управленец Николай Страдомский, ключевыми фигурами стали адвокат Дмитрий Григорович-Барский, барон Федор Штейнгель, член Украинского клуба Андрей Никовский и представитель рабочих Алексей Доротов. В первые дни марта новая власть оформилась окончательно, Совет объединенных общественных организаций все разрастался, в него стали включать едва ли не всех охочих — от делегатов Совета рабочих депутатов до членов Общества правильной охоты.

5 марта губернатор Алексей Игнатъев передал свои полномочия земцу Михаилу Суковкину, который обосновался во дворце генерал-губернатора на улице Институтской и стал губернским комиссаром Временного правительства. Военным комиссаром при генерале Ходоровиче, которому многие в Исполкоме не доверяли, был назначен поручик Константин Оберучев, вступивший в должность сразу по выходе из тюремной камеры.

«А теперь спокойно разойдемся по домам, с тем чтобы завтра приступить к мирной работе, идущей на благо Родины и на поддержание нашей доблестной армии», — увещевал киевлян с балкона думского здания Федор Бурчак. Однако расходиться никто не собирался. Наоборот, площадь перед зданием Думы, где заседала новая власть, стала ареной бесконечных митингов, манифестаций и демонстраций. *«Это был сплошной праздник. Толпа стремилась на улицу. Все приветствовали друг друга, как в Светлый Христов день. Красные бантики и розетки — эти запретные в недавнее время эмблемы свободы и революции — мелькали в черных пальто и жакетах, и красные ленты скоро исчезли из магазинов: трудно стало добыть их»,* — вспоминал Оберучев.

Рабочие не работали, студенты не учились, дворники не подметали, прислуга бастовала, ученики средних школ митинговали. 6 марта при большом стечении народа на Думской площади (ныне Майдан Независимости) состоялся военный парад, который должен был продемонстрировать,

что солдаты киевского гарнизона — на стороне новой власти. Газета сообщала: «С раннего утра к зданию городской думы начали собираться группы населения Киева. Со стороны Печерска появляются солдаты со знаменами. Вдоль Крещатики раздаётся громовое «Ура!». На Институтской улице показывается первая воинская часть. Предшествуемые оркестром во главе всех своих офицеров, они под звуки торжественного марша спускаются к Крещатику, поворачивают к думе и, пройдя вдоль здания городской думы, здесь останавливаются. На балкон выходят члены исполнительного комитета и начальники отдельных воинских частей. Председатель исполнительного комитета Страдомский обращается к войскам с приветственной речью. Оркестр начинает играть марсельезу, подхватываемую толпой, достигшей десятков тысяч. Вслед за тем вдоль городской думы дефилируют последовательно войска киевского гарнизона». Демонстрация продемонстрировала, что новая власть всецело зависит от толпы. Когда воинственные солдаты потребовали арестовать коменданта Киевской крепости генерала Медера, то ничего не оставалось, как взять под стражу старого служаку.

Чтобы подвести черту под бесконечной вакханалией праздников, на 16 марта назначили грандиозный День свободы. В демонстрации участвовали рабочие, служащие,

Броневик на Крещатике. 1918 год. Из архива автора

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога	5
К читателю	8
История моего города, страны, Мира за неполное XX столетие	21
События 1917 года: с февраля по октябрь	24
Морозная зима 1917-го в Киеве	41
Киев под четырнадцатью властями	51
Кто такой Керенский, или Человек, который погубил Россию	57
Легион, совершивший кругосветное путешествие	62
События в Крутах — легенды и факты	68
«Триумфальное шествие Советской власти» в Киеве	80
Пребывание немцев в Киеве: оккупация или сотрудничество?	92
Вильгельм фон Габсбург-Лотаринген	105
Николай Щорс — человек и памятник	108
Евреи в гражданской войне	111
Бегом через Киев	114
Как Харьков в 1919 году стал столицей Украины	121
Самозванные бесы над Киев-городом.....	123
Троцкиев	131
Американские асы в небе Киева	138
Ленин — всегда живой?	148
Грицько Чупрынка — поэт и борец с большевиками	150
Масоны в Киеве и окрестностях	159
Как Украина вошла в ЭСЭСЭСЭР	168

Формирование украинско-российской административной границы в 1918—1928 годах	170
«Шутки» Днепра в 1931 году	177
Политика ВКП(б) на искоренение интеллигенции, или Почему «вождь пролетариата» не любил интеллигентов	183
Ленинское племя	189
Гид по Расстрелянному возрождению (для тех, кто не понимает сути настоящей декоммунизации)	216
Номо soveticus	230
Зачем в СССР отменяли историю	230
Воспитание литературой	238
«Сталина бы сейчас!» Киев с «отцом народов» и без него	263
Павел Потоцкий — генерал украинской истории	276
Тайна Донбасса, которую скрывают от жителей Юго-Востока Украины и России	280
Киевские «жрицы любви» и последователи Паниковского	284
За что мы так с Паустовским	288
Как Киев снова стал столицей	292
Институт — пыточная — дворец — центр культуры. 180 лет «шляхетных» контрастов	302
Вторая Мировая война	305
Культ личности	305
Красноречивые параллели	317
Зимняя война и ее последствия	320
«Польский коридор»	326
Начало войны	328
«Дружеский жест» СССР	329
Некоторые детали кремлевской заботы о «единокровных украинцах»	334
Неудобная правда о Великой Отечественной войне	336
Всем погибшим в Великой Отечественной войне посвящаю	346
Первый «расстрелянный город» в СССР. Бабий Яр	350
93 года и 39 дней Александра Оглоблина	366
Елена Телига: таинство рождения и загадка смерти	371
«Матч смерти»?	385

Битва за Днепр	400
Букринский плацдарм	404
Наш Никита Сергеевич — освободитель Киева!	412
Жизнь и подвиги Геннадия Александровича с Крещатика	417
Мифология Второй мировой войны	424
Полуфинал	438
Список имен лиц, упомянутых в издании	440